

Уроки совести

Все, кто работает или просто общается с детьми, знают, что они много умнее, чем думают те, кто избрал искусство для детей в качестве поприща для ремесленных поделок и производства конфет-пустышек.

Пока ученые, педагоги и родители подробно обсуждают проблемы, связанные с обучением шестилетних детей, пока решаются действительно очень сложные вопросы воспитания и дидактики, малыши садятся за парты и становятся полноправными членами отнюдь не простого школьного общества. Очень важно в этой связи услышать то, как они сами к этому относятся, увидеть их в ситуациях, обыденных для нас и необычных для них. Фильм Студии им. М. Горького «Солнце в кармане» предоставил нам такую возможность.

Драматург Ольга Сидельникова написала несколько сценариев фильмов о детях и для детей, успех ее двухсерийного телефильма «Камила» широко отмечен зрителями и прессой, а новый фильм лишний раз свидетельствует: важно знать и чувствовать жизнь малышей! Автор сценария два десятка лет проработала в детском саду и с малышами в средней школе, а режиссер Эдуард Гаврилов снял много детских фильмов, начав с запомнившейся ленты «Мимо окон идут поезда».

Итак, фильм о школе, о самых маленьких в ней. Однако я пишу не столько о фильме, сколько о тех мыслях, которые возникли у меня, когда я стал свидетелем, а потом и участником некоего не подготовленного детского обсуждения. Оказалось, за каждым почти эпизодом этой простой и лишенной какого-либо внешнего драматизма истории встают вопросы, волнующие тех, для кого трудилась кинематографисты.

Зрители самых разных возрастов горячо обсуждают острый, сердитый, глубоко драматичный фильм «Чучело», а в фильме «Солнце в кармане» все, казалось бы, иначе. Нет яростных столкновений, нет неблагополучных семей, никого не травят и даже не обижает. Любящие родители, добрая и умная учительница, очень хорошая девочка Аня Иванова, которую так просто, естественно, так экономно по средствам и так убедительно играет ее ровесница Даша Вишнякова.

Почему же замирает зал, почему, когда ведущий обсуждение пригласил детей высказываться об увиденном, на сцену один за другим пошли дети?

...Почему-то и я пошел вместе с ними... Детей было больше двадцати, а первые выходили к погашенному экрану с таким решительным видом и так много говорили о мужестве, будто речь в картине шла не о самом обычном и привычном.

...Аня боится идти в школу, потому что будет там самой маленькой, а зловредная третьеклассница Тата в канун первого сентября еще и пугает ее:

— Маленьким в школе плохо. Зря тебя рано отдали. Пожалеешь!

— Я читать уже умею,—оправдывается Аня.

— Ну и что! У нас одна девочка в первом классе читает: «мэ-а, мэ-а». Учительница спрашивает: «Что вместе получается?» А она говорит: «Груша». Потом читает: «пэ-а, пэ-а». «Что вместе?» — «Груша». Тоже с шести лет пошла...

— А теперь она где? — с ужасом спрашивает Аня.

— Где-где. На второй год оставили.

Смешно, правда? А дети в зале не смеются. Не смеются они и потом, когда Аня перед сном рассказывает отцу об этом страхе: вдруг да и она вместо слова «мама» скажет «груша».

Не смеются дети явно потому, что вспоминают про свои страхи, про то, что еще не так далеко ушло, чтобы смеяться.

Вот вышел мальчик и сказал:

— Мне очень понравился Сережа. Он храбрый. Все подняли руки, чтобы исключить Веру, а он не поднял.

Непримиримые по своему детству и обремененные высоким долгом октябрятских вожатых три девочки из четвертого класса предложили малышам самые суровые меры, чтобы наказать первоклассницу Веру Тукмакову, переделавшую в дневнике тройку на пятерку. Класс согласился с ними. Только один толстощекий Сережа поднялся и возразил всем:

— Хочу, чтоб простили!

Замечательно, как облегченно вздохнула в фильме учительница, но еще более замечательно было слышать, как облегченно вздохнул зрительный зал.

Потом, когда Аня рассказывает дома, что она вместе со всеми подняла руку, и про то, как поступил Сережа, Анина мама задумается и заметит на это коротко, почти без упрека: «Какая счастливая у Сережи мама».

Не знаю, кто из взрослых артистов сумел бы без слов отыграть то, что сыграла в этом эпизоде Даша. Урок совести никак не акцентирован ни камерой, ни мизансценой. Но это был урок.

Вот расшалились ребята, и Аня пролила ведро, оставленное нянечкой тетей Клавой посреди класса. И воды-то вылилось совсем-совсем мало, но не так просто разрешилась эта история. «А полы мыть никогда не пробовала?» — говорит тетя Клава. — Вот уйду скоро, наймись нянечкой, поработай». Девочки солидно объясняют тете Клаве, что они собираются еще долго учиться и в институт будут поступать, а на нянечку учиться не надо, нянечкой быть легко...

— Мне нравится, что Аня мужественная, она извинилась. Я бы не решилась,—сказала на обсуждении девочка чуть постарше самой Ани.

У маленьких свои трудности. Это о серьезном. Но рядом с серьезным смешное.

Аня после урока физкультуры никак не сладит с платьем, у которого застешка длинная-предлинная, с фартуком, у которого два крылышка и одно почему-то всегда закручивается. И Аня одна идет по затихшей школе и вдруг пугается, что заблудилась. Оказывается, это не так уж и смешно, когда тебя подвели собственная одежда и нерасторопность.

А вот дед, который на старости лет решил украсить родное село: «Деревя по деревне сажаю». Смешной дед (Ю. Катин-Ярцев), но не смешно это кончается.

— Ты что, дед, дурь свою все не бросишь никак! Я же запретил людей смешить,—говорит ему «деловой» сын.

— Это не дурь!—вдруг крикнула Аня, и глаза ее сверкнули слезами.—Папа, скажи ему, что это не дурь!

А потом Аня приглашает на свой день рождения октябрятскую вожатую Иру. «Когда?» — спрашивает Ира. «На будущий год», — отвечает Аня.

И опять приходится сказать, что дети не смеялись там, где взрослым смешно. Не смеялись они потому, что серьезное это дело — кого приглашать и кого не приглашать на свой праздник.

— Мы пришли сюда всем классом и очень много поняли про нашу школьную жизнь,—высказался один мальчик. Это было все, что он сказал, и это было самое главное.

Мне оставалось лишь подвести итоги, сказать, что и мне фильм очень понравился, потому что дети узнавали себя, потому что взрослые узнавали своих детей, вспоминали себя самих и еще потому, что справедливая и честная жизнь начинается с детства, иначе она справедливой и честной может никогда и не стать.

На некоторые из детских вопросов я ответить не смог и задаю их теперь сам. Почему, например, фильм называется «Солнце в кармане»? Потому что такие слова есть в песне или потому что так «завлекательнее»? Почему яркая, то веселая, то грустная, но очень выразительная музыка (композитор Анна Икрамова) порой так тихо звучит с экрана? Даже слова песни разберешь не всегда. И еще мне непонятно: почему в кино и на телевидении все еще очень мало хороших фильмов о дне сегодняшнем, о школе нынешней? Разве даже в самой хорошей школе и в самых хороших семьях нет конфликтов, нет глубоких переживаний, разве не нужны нам всем, взрослым и детям, эти школьные и внешкольные уроки?

Не меня одного удручает предлагаемый нашим детям поток однообразных и давно уже лишенных надежд на пресловутый кассовый успех детективов. Да, нам нужны детские фильмы разных жанров, и комедии очень нужны, только делать все это надо, исходя из реальной жизни. И всерьез, а не понарошку. Помните, у Веры Пановой в «Сереже» есть сцена. Взрослый «шутник» дает мальчику фантик, свернутый, как настоящая конфета. А мальчик строго так спрашивает: «Дяденька, вы дурак?»

Дети любят, когда с ними говорят серьезно и о серьезном. Такой разговор состоялся в фильме «Солнце в кармане» и вокруг него.

Сергей МИХАЛКОВ.